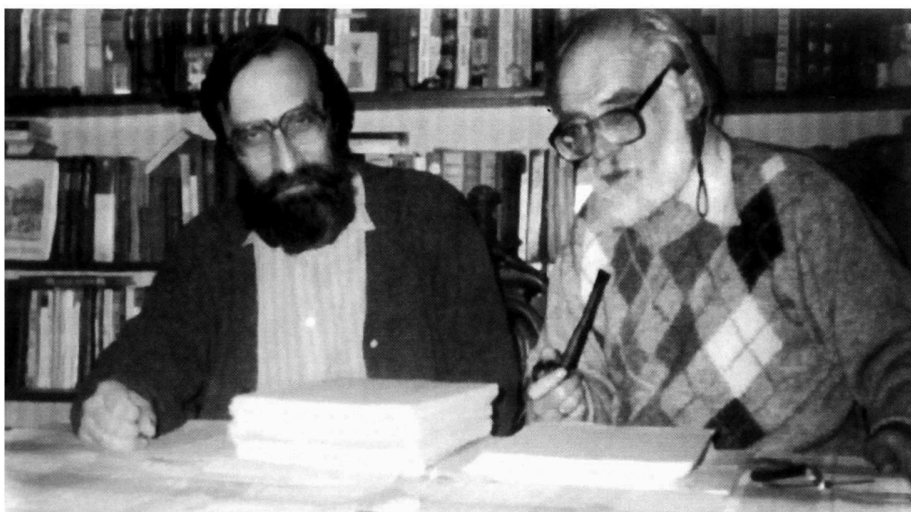
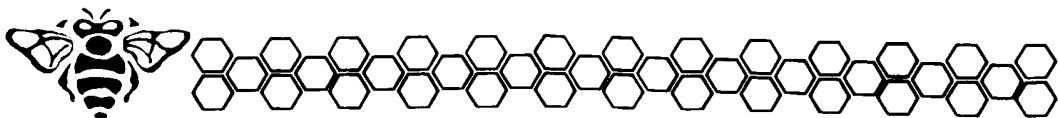

Раевский Дмитрий Сергеевич (1941 г. рожд.), доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Специализируется в области археологии, истории и культуры скифской эпохи, семантики изобразительного искусства Евразии в древности. Автор книг: "Очерки идеологии скифо-сакских племен" (М., 1977), "Модель мира скифской культуры" (М., 1985), "Митология на скитите" (София, 1988; английский перевод - "Scythian mythology", Sofia, 1993), "Ранние скифы и древний Восток" (в соавт. с М.Н.Погребовой, М., 1992), "Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями" (в соавторстве с М.Н.Погребовой, М., 1997).

Петрухин Владимир Яковлевич (1950 г. рожд.), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области археологии и этнокультурной истории Восточной и Северной Европы в раннем средневековье. Автор книг: "Начало этнокультурной истории Руси" (Смоленск - М., 1995), учебного пособия "Славяне" (М., 1997).

STUDIA HISTORICA

*В. Я. Петрухин
Д. С. Раевский*

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ РОССИИ
В ДРЕВНОСТИ
И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Учебное пособие для гуманитарных факультетов
высших учебных заведений

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1998

ББК 63.3(2)41Я73

П 31

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Взгляды и подходы автора не обязательно совпадают с позицией программы. В особо спорных случаях альтернативная точка зрения отражается в предисловиях и послесловиях.

Редакционный совет: В. И. Бахмин, Я. М. Бергер, Е. Ю. Гениева, Г. Г. Дилигенский, В. Д. Шадриков.

Рецензенты:

Я. А. Шер – д.ист.н., проф. кафедры археологии
Кемеровского ГУ

Н. И. Басовская – д.ист.н., проф., проректор РГГУ

Петрухин В. Я., Раевский Д. С.

П 31

Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 384 с., 45 илл.

ISBN 5-7859-0057-2

Учебное пособие представляет собой опыт последовательного изложения этнической истории – истории народов (этносов) России – в древности и раннем средневековье, включая эпоху сложения раннесредневековых государств, в том числе Руси. Рассматриваются методы исторических реконструкций этнических процессов в дописьменную эпоху и проблемы комплексных междисциплинарных исследований в эпохи, освещенные письменными источниками. Авторы сосредотачиваются на узловых для этнической истории Евразии событиях: формировании и дифференциации крупных этноязыковых общностей, прежде всего индоевропейцев в древнейшую эпоху, скифов и других народов древности, тюрок и славян в эпоху раннего средневековья. Особое внимание уделяется спорным проблемам ранней этнокультурной истории Руси.

На обложке воспроизведены фрагменты Радзивиловской летописи. На тыльной стороне – л. 5: «Разные языки дань дают Руси», на лицевой стороне – л. 6 об.: «...и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни...».

ББК 63.3(2)41Я73

© В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	7
Глава I. Источники и методы воссоздания ранних этапов этнической истории	19
Глава II. Предыстория народов России	29
Глава III. Киммерийцы, скифы и греки в Восточной Европе	61
Глава IV. Соседи скифов и другие народы Северной Евразии в скифскую эпоху	101
Глава V. Евразия в сарматскую эпоху	118
Глава VI. Великое переселение народов. Готы в Восточной Европе. Гунны: от Центральной Азии до Галлии	132
Глава VII. Проблема происхождения славян и начало славянской истории	145
Глава VIII. Тюрки и народы Сибири: предыстория и выход на историческую арену. Авары, ранние болгары и угры в истории Восточной Европы	178
Глава IX. Хазары и Хазарский каганат. Кавказская Алания и Волжская Болгария	198
Глава X. Славяне и кочевники в раннем средневековье: проблема этнокультурного синтеза	226
Глава XI. Русь и народы Восточной Европы в IX—X вв.	236
Заключение. К проблеме исторических судеб народов России в древности и раннем средневековье	328
Приложение. Выдержки из источников, содержащих сведения об этнической истории народов России в древности и раннем средневековье	333
<i>Литература</i>	359
<i>Указатель этнонимов</i>	377

ВВЕДЕНИЕ

Человечество издревле проявляет активный интерес к своему прошлому, стремится познать его. По мере развития цивилизации этот интерес приобретал все более осмысленный, целенаправленный характер. «Уважение к прошлому, — писал в 1830 г. А. С. Пушкин, — вот черта, отличающая образованность от дикости». А в его стихах та же мысль о неразрывной связи людей с их корнями выражена с большей ориентацией не на коллективное, а на индивидуальное восприятие прошлого, определяющее, по выражению поэта, «самостоянье человека»:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Помимо всего прочего, эти строки примечательны тем, что в них обнаруживается прямая перекличка между отношением отдельного человека к своим истокам и научным изучением прошлого, ибо здесь, по существу, названы два основных типа материальных свидетельств прошедших эпох — поселения и погребения. Памятники именно этих двух видов выступают в качестве главных объектов археологии и при отсутствии письменных свидетельств о том или ином периоде истории человечества служат основными источниками для воссоздания минувшего. Не менее важно, что мы находим здесь указание на преимущественный интерес человека к *своему* прошлому, на его стремление постичь в первую очередь историю своей семьи, своего рода, своей страны. Это вполне естественно, так как каждый индивид на любой исторической стадии всегда воспринимал и воспринимает себя как элемент некоего социального организма и сущность именно этого организма в первую очередь определяет формирование его ценностных ориентаций. Само по себе такое мироощущение, конечно, не заслуживает порицания. Хуже, когда подобное стремление оборачивается нарочитым возвеличиванием «своего» за счет принижения «чужого» либо причислением к «своему наследию» того, что в действительности таковым вовсе не является.

При обращении отдельного человека к минувшему на глубину по крайней мере нескольких поколений проблема выделения из общей массы тех памятников, которые связаны с его прошлым, как правило, не возникает: обычно у людей имеются довольно четкие представления о своих сравнительно недавних предках, о том, где они жили и где похоронены. Да и вообще образ жизни недавних поколений и связанные с ними события (т. е. в более общем плане — их культура и история) предстают в сознании их прямых, более или менее близких потомков

достаточно отчетливо, хотя, конечно, в различных конкретных случаях точность и детальность подобной картины могут существенно разниться. Но если речь идет о более отдаленном прошлом — об истории в собственном смысле слова, — индивидуальной или даже семейной памяти оказывается недостаточно и в качестве «родного пепелища» и «отеческих гробов» начинают фигурировать уже не семейные древности, а памятники, приписываемые *своему народу*. И вот здесь возникают вопросы, насколько определенным является данное понятие и по каким критериям может проследиваться историческая преемственность и должны вестись поиски собственных исторических корней.

С древнейших времен каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые воспринимают друг друга как имеющих общее происхождение и одновременно отличают себя от тех, кто принадлежит к иным подобным совокупностям. Такие совокупности именуются этносами, этническими общностями. Любая этническая общность характеризуется рядом как объективных, так и субъективных признаков, а изучением таких общностей занимается наука этнология. По словам известного отечественного теоретика этнологии академика Ю. В. Бромлея, этнос — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [Бромлей 1983, 57—58]. Каждый этнос занимает определенную позицию и на синхронной оси — по отношению к другим одновременным ему этносам того же или иных иерархических уровней, и на оси диахронной — по отношению к связанным с ним единой линией развития этносам предшествующих и последующих эпох. В этнологии существует достаточно разработанная, хотя во многом и остающаяся дискуссионной, терминология, служащая для обозначения и синхронной иерархии этнических совокупностей разного уровня, и последовательных исторических этапов развития каждой из них.

Слово *народ*, строго говоря, не относится к этой терминологической системе, а является неким обобщенным понятием, заимствованным из бытовой лексики и прилагаемым к различным в синхронном и диахронном плане этническим совокупностям. Собственно, таким же понятием было и слово *этнос* в древнегреческом языке, где оно могло обозначать и народ в широком смысле, и «племя» в составе древнего народа, а во множественном числе — иные народы, отличные от греков, и т. п. [ср. Поплинский 1973; противопоставление собственного народа — *ся* — «варварам четырех сторон света» в древнекитайской традиции и т. п.: Крюков 1984]. Близкое значение имело слово *племя* в древнерусском языке, где оно могло означать и народ, и более узкий

коллектив кровных родственников — просто родню, семью, род. Соответственно, слово *род* также относилось в естественном, разговорном, языке к разным родственным коллективам, от семьи до группы родственных народов. В древнерусском и более древнем праславянском языке *народ* — это совокупность предков и «народившихся» потомков [ср. ЭССЯ Вып. 22, 253—255; Колесов 1986, 19 и сл.].

В специализированном научном языке принята иерархия терминов, призванных обозначать соподчиненные понятия: *род* — это коллектив кровных родственников, включающий несколько семей; несколько родов, объединенных брачными связями, образуют *племя* или более широкую и аморфную общность, которую предлагают называть *соплеменностью*; на основе соплеменности, «союза племен» и т. п. формируется *этнос*, «народ» [ср. Арутюнов 1989]. Слово *народ* продолжает обозначать в естественном языке широкую совокупность предков и потомков. Именно в таком качестве оно употребляется и в тех случаях, когда в поисках собственных исторических корней человек или группа людей обращаются к прошлому «своего народа».

Сложность, однако, состоит в том, что на практике ответ на вопрос, что человек вправе считать принадлежащим к *своему* прошлому или, пользуясь словами Пушкина, какое именно пепелище — «родным», а какие гробы — «отеческими», далеко не всегда оказывается простым и однозначным. Трудности эти порождены не только субъективными причинами — сознательным или непроизвольным искажением истины, — но и сугубо объективными обстоятельствами, характером имеющейся в нашем распоряжении исторической информации.

«Характерная особенность этнических общностей, — писал тот же Ю. В. Бромлей [1983, 49], — ...состоит в том, что их неперменным свойством является взаимное различие. Этносы — категория сопоставительная». Иными словами, само определение *границ* этноса осуществимо лишь при том условии, что он рассматривается на фоне иных подобных коллективов, т. е. в процессе сопоставления. Поскольку этносы выделяются (в том числе на диахронической оси) не по какому-то одному, а по целому ряду перечисленных выше признаков, следует остановиться на том, по каким критериям выявляется этноисторическая преемственность и как разные виды такой преемственности соотносятся между собой. К ним относятся прежде всего преемственности биологическая, языковая, культурная, этнонимическая, территориальная, политическая. Рассмотрим каждую из этих характеристик несколько подробнее.

Биологическая преемственность играет особую роль в массовых представлениях об этнических процессах. В бытовом сознании распространено мнение о прямом генетическом родстве — «родстве по крови» — между всеми представителями одного народа. Мнение это уходит корнями в глубочайшую древность.

Стремление к знанию собственных истоков, истории происхождения своего народа (а на более ранних стадиях — рода, племени), составляющее основу самосознания любого человеческого коллектива, в первобытном обществе, скрепленном почти исключительно сознанием своего кровного родства, генеалогической общности, выливалось в создание мифов об общих тотемических — зооморфных — предках. В этих, пусть достаточно примитивных, формах человечеству первоначально было задано чувство *истории*.

Естественно, что в догосударственную первобытную эпоху это чувство было ограничено родоплеменными рамками, а иноплеменники, инородцы воспринимались если не прямо как злые духи и колдуны, то уж во всяком случае как а priori враждебные дикари, не имевшие настоящей культуры, о чем «доподлинно свидетельствовали» их непонятный чужой язык и обычаи. Представления о кровном родстве были самым непосредственным образом связаны с племенной территорией, которая и воспринималась только как освоенная настоящими людьми (единоплеменниками) земля. Так, еще в традиции, донесенной русским летописцем Нестором, земля киевских полян — освоенное пахотное поле, — в границах которой располагалось место создания летописи (сам Киев), противопоставлялась земле древлян, живущих «в лесех, звериньским образом». В более архаических же традициях прослеживается даже прямое отождествление понятий *люди* и *мой народ*, тогда как все другие народы как бы причисляются (более или менее явно) к существам иной природы и о них существуют самые фантастические представления.

Привязанность к родной земле, «почве», воплощалась в мифах об автохтонах — хтонических существах, вышедших прямо из земли, из недр племенной территории и ставших первопредками ее обитателей. Не менее важной в идеологии древнего человека была вера в происхождение первопредков своего народа непосредственно от богов. Эти черты отчетливо прослеживаются, к примеру, в сохраненном Геродотом мифе о происхождении скифов (см. ниже, *главу III*).

Представления о родстве, подлинном или мнимом, о единстве происхождения всех представителей того или иного народа надолго пережили этот мифологический взгляд и в несколько трансформированной, «рационализированной» форме присутствуют в нынешнем массовом отношении к этнической истории и этническим процессам, что служит, кстати, основной базой для представления о «чистоте» крови, о специфических биологических особенностях каждой нации. Разумеется, биологические родственные связи внутри какой-либо этнической группы в самом деле теснее, чем подобные связи между разными группами. Но все же противопоставление это оказывается до некоторой степени относительным.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о биологической связи людей имеют разную природу для разных эпох. На опреде-